

Хомякова О.Р., доцент кафедры русской
и зарубежной литературы БГПУ имени
М. Танка

Басня как жанр и басня Крылова

Произведение, написанное в жанре басни, предлагает изображение некоей жизненной ситуации, которая имеет нравоучительный смысл и представлена в виде драматической сценки и (или) эпического рассказа. Особое положение басни и ее отличие от других жанров искусства определяется обязательным присутствием авторского комментария к изображенному – морали. Таким образом, басня состоит из двух частей: художественная (изображение события) и логическая (мораль, то есть нравоучительный вывод, сделанный автором или персонажем произведения из данного события).

Басня – любимый народом жанр, которому, однако, не повезло со статусом в ученом мире. Как выразились в своей книге об изящной словесности П. Генис и А. Вайль (1), в слове Крылова ощущается «привкус второсортности». Был бы Крылов автором романа в стихах, поэмы, комедии, а не баснописцем, и вкус его славы был бы другим, – полагают авторы «антиучебника по литературе». Жанр басни исследовали Аристотель, В. Г. Белинский, Л. С. Выготский, М. Л. Гаспаров, Г. В. Ф. Гегель, Г. Э. Лессинг, А. А. Потебня, Б. В. Томашевский и др., творческое наследие И. А. Крылова – В. А. Архипов, А. М. Гердин, А. В. Десницкий, В. И. Коровин, Д. Н. Медриш, Н. Л. Степанов и др. Но и в серьезных работах если не поддерживается, то и не опровергается репутация басни как несерьезного жанра и в прямом и в переносном смысле. А ведь в баснях речь идет о весьма серьезных и значимых вещах, о которых ... рассказывается смешно.

Изобретение басни приписывают рабству. Так, древнеримский баснописец Федр (I в. н. э.) полагал, что басня была создана рабами, которые пользовались аллегориями, чтобы выразить свои чувства и остаться непонятыми. Легендарный древнегреческий баснописец Эзоп (жил около 600 г. до н.э.) был рабом и вынужденно маскировал свою мысль. С тех пор язык иносказаний именуют эзоповским. Позже басню будут считать «рабским жанром», исходя из прямо противоположных посылок: не взирая на иносказательность и эзоповский язык, для понимания басни не требуется особый ум, она доступна массам, но не интересна интеллектуалам.

Белинский видел в басне «ложный род»: «Если она для кого-нибудь годится, так разве для детей...». Правда, критик оговаривался, что сатирическая басня в отличие от нравоучительной может быть признана «истинным родом поэзии». Но оговорка такого рода скорее оправдывает не столько жанр, сколько сатирическую тематику. Впрочем, за Крылова критик «прощал» басне «ее ложность, как рода поэзии»: «Басни Крылова, конечно, — тоже басни, но, сверх того, еще и нечто большее, нежели басни» (2, т. 7, с. 264).

Как "элементарную литературную форму", "стоящую на грани поэзии" рассматривал басню Л.С. Выготский (3, с.117) Что касается басен Крылова, то они, по Выготскому, сейчас (диссертация «Психология искусства была защищена в 1925 г.) «стоят вне жизни и вне литературы». Судя по всему, издатели Литературной энциклопедии были иного мнения о действенности басен Крылова. «Крылов ни в коем случае не может быть привлечен как моралист и воспитатель в стены советской школы» (4), - такой приговор был вынесен урокам крыловских басен в тридцатые годы XX века.

Басня – жанр с регламентированной структурой. Исследователи могут спорить о том, что первично в басне - повествование или мораль, но в необходимости обеих составляющих никто не сомневается. Непременное наличие морали определяло место басни в сменяющих друг друга поэтических системах. Так, в эпоху классицизма с его дидактической устремленностью сочинению басен (А. Кантемир, А. Сумароков, И. Хемницер) придавалось не меньшее значение, чем созданию традиционно высоких жанров эпической поэмы, трагедии или философской оды. Классицистическая модель сюжета, конфликта и системы персонажей в явном или неявном виде предусматривала назидание фактически в произведениях любого жанра. В сентименталистских баснях И.И. Дмитриева и В.А. Жуковского мораль басни подчас выглядит поэтической медитацией, тем самым жанр размывается, приближаясь к лирическому стихотворению. По мере движения к реализму, дидактизм басни, казалось, должен был сдвинуть этот жанр на периферию литературного процесса. Но в русском историко-литературном процессе расцвет басни происходит именно в момент становления реалистического сознания, чему немало способствовала басня Крылова. **При всей условности басенных образов можно считать Крылова одним из творцов реализма в русской литературе, наряду с Пушкиным и Грибоедовым, а хронологически даже раньше их.** И только традиция отождествлять реализм и жизнеподобие помешала исследователям

отдать должное Крылову как первопроходцу в художественном пространстве реализма.

В сознании русского человека имя Крылова неизменно ассоциируется с жанром басни, хотя начинал Крылов с создания комедий, комических опер, даже трагедии, даже оды, был издателем журналов и достиг определенных успехов, по крайней мере, в журналистике. Но деятельность Крылова в 18-ом веке несопоставима с басенным творчеством, которому он отдается в первой половине 19-ого века уже зрелым, умудренным жизнью человеком (к моменту выхода первого сборника басен в 1809 году Крылову исполнилось 40 лет). Несомненно, впрочем, что басня Крылова, хоть и родилась в 19-ом веке, зачата была в рационалистическом и моралистическом 18-ом, в котором любой жанр тяготел к назиданию.

Нетрудно понять, почему именно в басне Крылов нашел себя: человеческие качества писателя и особенности его творческого почерка точно соответствуют заданному жанром облику баснописца: «Он является философом-наблюдателем и чудесно рисует то, что происходит перед его глазами. Его басни — богатая сокровищница идей и опыта» (5, с.103). **Крылов именно философ-наблюдатель, наделенный острым видением бытовых картинок и даром выведения сатирической формулы, конденсирующей опыт жизни. «Поэт и мудрец слились в нем воедино» (6, с.183).** Мораль басен Крылова высказывается с простодушием и безыскусностью и тем не менее многие крыловские высказывания давно превратилась в крылатые выражения, а образы стали нарицательными.

Событийная часть крыловской басни не является просто иллюстрацией общей идеи. Безусловность нравоучительного смысла накладывается на зрелищность и полнокровие образов, отточенность характеров, естественность конфликта и его исхода. Уроки жизни, которые получает читатель басен Крылова, не имеют ничего общего с голой дидактикой, отвлеченным морализаторством. Крыловские уроки воспринимаются читателем не в логическом виде, а в жизненной ситуации, которая забавляет и заставляет задуматься, **Создание особенного образа мира – вот что делает басню Крылова искусством.**

Крылов обращается к самым различным жизненным ситуациям и без особой натяжки можно говорить о всеохватности тематики крыловских басен, дающих примеры решения самых разнообразных житейских проблем в реальной обстановке русского быта. Тематический анализ басен Крылова выявляет то, что считал баснописец ценностно значимым для русского народа, и что в конкретно-историческом бытии обнаруживает свое

несоответствие общенародному идеалу. Более двухсот созданных Крыловым басен – это своего рода житейская энциклопедия отрицательных вариантов поведения, это своего рода реестр ошибок против нравственности, этики отношений, здравого смысла или естества, которые совершают люди в своих действиях или поступках. Басня Крылова представляет в смешном виде невежду-Свинью, подрывающую корни Дуба, чтобы достать желудей («Свинья»); ученого Мудреца, не способного открыть простой ларчик («Ларчик»); участников «Квартета», уверенных в том, что успех дела определяется тем, кто на каком месте сидит; Муравья, мнящего себя великаном («Муравей»); падкую на лесть Ворону («Ворона и Лисица»); беспечную бездельницу Стрекозу («Стрекоза и Муравей»); «храбрую» Моську, из подворотни лающую на Слона («Слон и Моська»). Крылов никогда не ограничивается критикой и осмеянием. При всей условности персонажей – животных или растений – в басне Крылова живописно и смешно изображаются типичные жизненные ситуации, в которые может попасть каждый.

При этом отрицательные персонажи басни отнюдь не всегда получают возмездие, часто они безнаказанно удовлетворяют свои желания. И этим басня отличается от сказки, в которой порок наказывается. Справедливость басенного мира в его сюжетной части бывает весьма сомнительной: «У сильного всегда бессильный виноват» («Волк и Ягненок»). Изображая жизнь, басня ориентируется не на должное, а на негатив, представленный как многократно повторяющееся, типичное: «Тому в истории мы тьму примеров слышим» («Волк и Ягненок»). В реальном мире прав тот, кто сильнее, а «вина» слабого не требует доказательств: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» («Волк и Ягненок»).

В эмпирической части басни конфликт разнонаправленных сторон не предполагает одинаковых возможностей для обеих и побеждает не обязательно тот, кто прав с точки зрения общенародной морали. Как и в жизни, в изображенных басней обстоятельствах противоборства, сила и правда выступают не всегда в одной связке. Однако фиксируя очередное несоответствие между действием и воздаянием, басня четко разграничивает добродетели и пороки, не оставляя никаких сомнений в том, как должно и как не должно поступать. Окончательный вывод, мораль, сформулированная в басне, принимается читателем как указание на изображенные в сюжетной части отступления от идеального порядка вещей, правильного устройства мира. Мир басни – это мир, в котором безоговорочному осуждению подвергается порок и столь же безоговорочно утверждается добродетель.

В природу жанра басни заложена безапелляционность итоговой оценки, не предполагающая полутонов, учета сопутствующих осуждаемому действию обстоятельств, которые могут быть восприняты как оправдывающие, объясняющие или смягчающие вину. Мир басни как бы подстраивается под непреложную истину, дабы иллюстрировать ее с абсолютной непреложностью. Но идущая от классицизма уверенность в существовании непререкаемых истин у Крылова поверяется эмпирическими картинами жизни, которые обнаруживают неоднозначность сформулированных абсолютов, когда они соотносятся с реальностью. В крыловских картинах, нарисованных словами, обнаруживаются дополнительные смыслы, которые лишают изображенные образы однозначности, и, хотя не подвергают сомнению мораль басни, побуждают видеть в ней лишь один из возможных уроков.

Эмпирическая часть лучших басен Крылова рисует далекие от односторонности, полнокровные характеры. В морализующей части полнота характера редуцируется к той черте, которая осуждается без каких бы то ни было оговорок. Стрекозу из известной басни Крылова защищали от жестокости Муравья и читатели и коллеги Крылова по писательскому цеху (В.Ф. Одоевский в повести «Косморама», Саша Черный в «Румяной книжке»). Один из предшественников Крылова, давший свою версию эзоповского сюжета о легкомысленной бездельнице и дальновидном труженике, И.И. Хемницер попытался совместить разнонаправленные педагогические соображения: с одной стороны, в басне Хемницера осуждаются лень, беспечность и легкомыслие, с другой, показывается сострадание даже к тем, кто этого не заслуживает. Поэтому в «Стрекозе» Хемницера Муравей сначала прогоняет бездельницу, а потом жалеет ее:

«Пропела? Хорошо! Поди ж теперь свищи».

Но это только в поученье

Ей Муравей сказал.

А сам на прокормленье

Из жалости ей хлеба дал.

Для Крылова вопрос «Во всем ли прав Муравей?» не стоит, потому что такого рода вопросы не вписываются в природу басни. Мастер басенного жанра знает, что воспитывать негативное отношение к легкомыслию, беззаботности, беспечности и воспитывать чувство толерантности, милосердия - задачи разных басен, которые в одном сюжете полноценно не реализуешь, если это сюжет басенный. Крылов, любивший являться современникам в образе лентяя и обжоры, в басне категоричен в приговоре:

нельзя жалеть тех, кто привык жить чужим трудом. И здесь крыловская басня особенно явственно обнаруживает свой не просто народный, но мужицкий характер. Для крестьянина труд - условие жизни, а праздность соотносится с привычками богатых бездельников, считающих себя вправе сидеть на чужой шее; сентиментальничать – барское дело. Но было бы ошибочным приписывать Крылову, солдатскому сыну, узко сословную ориентацию. Великий русский баснописец, безусловно, демократичен в своих воззрениях и творчестве, но никогда бы не завоевал он всемирное признание, отступая от вечных общечеловеческих идеалов во имя утверждения тех ценностей, которые непонятны всему народу.

Моралистическая часть басни не подлежит обсуждению потому, что базируется на доминантных для национальной культуры ценностях, которые исходят не от субъекта (автора басни), но отражают объективное, общепринятое в данной национальной среде оценочное суждение. **Как правило, Крылов выбирает для иллюстрации культурные аксиомы, ценностные приоритеты, истины, общие для всей нации вне сословных, возрастных или гендерных различий. В этом смысле крыловская басня несет некий объединяющий нацию пафос.**

Крылов поставил перед собой непростую задачу: сделать свои произведения доступными для низших и интересными для высших по своему культурному уровню читателей. **До него объединить в чтении аристократов и простолюдинов не удавалось никому.** Примечательно, что высокородный князь П. Бялемский долгое время простонародному Крылову предпочитал утонченного И. Дмитриева (кстати сказать, именно Дмитриев в 1805 г. подтолкнул Крылова на путь баснописца, порекомендовав для публикации три басни). Ср. Пушкин думал иначе: «И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова» (7, т. 13, с. 89). Вопреки вкусам и привычкам дворянской среды крыловская басня утверждается в национальной культуре как эталон в своем жанре. Пушкин называл Крылова «самым народным нашим поэтом», которого читают «и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети» (7, т. 11, с. 154). Для Пушкина крыловская басня явно не элементарная форма поэзии, не примитивная аллегория, но картина мира, нарисованная большим художником, причем художником, воплощающим национальные основы русской жизни. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» **Пушкин оценивает Крылова как «представителя», то есть носителя типичных национальных черт русского народа:**

«отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (7, т. 11, с. 34).

В стихотворении «На радость полувековую», написанном П. Вяземским к пятидесятилетнему юбилею Крылова, великий русский баснописец впервые назван «дедушкой Крыловым». В конце концов и Вяземский склонился перед народным кумиром. Сегодня басни «дедушки Крылова», читают как «поэтические уроки мудрости» (В.А. Жуковский), которую принимаешь безоговорочно и с благодарностью.

Литература

1. Генис, П., Вайль, А. Родная речь: Уроки изящной словесности / П. Генис, А. Вайль. – М.: Независимая газета, 1999.
2. Белинский, В.Г. Собр. соч.: в 9 т. / В.Г. Белинский. - М., 1981.
3. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. - М., 1968.
4. Литературная энциклопедия. - Т. 5. – М., 1931.
5. Жуковский, В.А. Конспект по истории русской литературы / В.А. Жуковский // Литературная критика 1800—1820-х годов. - М., 1980.
6. Гоголь, Н.В. В чем же наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Избранные статьи. - М., 1980.
7. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. / А.С. Пушкин. - М.; Л., 1937—1949.